

*Не вернувшись из полёта
посвящается!*

Пролог

...Левым разворотом занимаю обратный курс, прохожу над разбитыми палатками. Изотов щёлкает затвором камеры раз, другой и показывает мне большой палец. Лицо довольное, даже светится от радости. Для него это событие. Нет, не так. СОБЫТИЕ! Второй сброс по реальной цели, по живой силе. По людям? Никак нет! По врагам! По мишени! Никто не звал этих смертников тайком приходить на нашу землю, разорять наши поселения, убивать и уводить в рабство российских подданных.

Только сейчас вспоминаю про нашего пассажира, что-то его не видно и не слышно. И за спинку кресла никто не дёргает.

Оглядываюсь, а он к своему окошку лицом прилип, смотрит на результаты моей работы. Ну, пусть полюбуется, я же вижу, что хорошо попал, положил бомбы с разлётом, конечно, но за пределы лагеря они ненамного ушли. И этого достаточно, добавлять больше не требуется. Мы лучше бомбы сэкономим, на здешнем складе оставим. Поручику-завхозу под роспись сдадим, пусть полежат до поры до времени.

Так что пусть Аносов любителю на результат моей работы, впечатлений набирается и радуется — ещё одна банда уничтожена. Думаю, после такого эффектного демонстративного разгрома у меня в этом мире появился ещё один ярый сторонник. Теперь капитан все пороги обобьёт, вышестоящие канцелярии рапортами завалит, только чтобы ему в помощь постоянно самолёт выделяли. И ведь выделяют, уверен. Только не скоро. Пока государь соберёт все отзывы о результатах нашей работы на Памире, пока решение примет, пока организуются, сколько времени может пройти? Много...

А я буду продолжать своё дело, строить и продавать самолёты, обучать лётчиков и техников, механиков и обслуживающий персонал. В общем, буду готовить кадры. Рано или поздно, но моя задумка принести максимально возможную пользу своей стране, обязательно выстрелит...

Глава 1

На высоте холодно. Очень. Рядом, руку протяни и дотронешься, медленно проплывают заснеженные поля горной хребтины. Через паутинку изморози на стекле кажется, что законцовка крыла вот-вот чиркнет по крутому скалистому склону. Приходится то и дело одёргивать себя от навязчивого желания отвернуть в сторону.

Топорщатся вверх зубастыми позвонками вершины гор, стекают вниз сверкающими на солнце ледяными рёбрами отрогов. Обжигающий холодный воздух просачивается через еле заметные щели дверей, морозит металл, покрывает его плотной шершавой коркой мелких кристалликов инея. И окна с краёв тоже покрылись инеем. Приходится сдерживаться и дышать носом, то и дело отворачиваться и утыкаться в меховой воротник куртки на выдохе, чтобы не напустить пара в кабину. Он же на стёклах первым делом оседает.

Даже не верится, что внизу, на земле, только что было тепло, стрекотали ночные цикады или ещё какие-то местные букахи, ласково сияли всем нам сверху огромные серебряные звёзды. Они и сейчас сияют, но уже совсем не ласково, а презрительно и равнодушно.

Утро, воздух ещё не прогрелся. Потому и мёрзнут руки даже в перчатках. И комбинезон не спасает вместе с надетой под него тёплой шерстяной одежкой. То и дело по телу пробегает озноб. Но не только от холода, но и от волнения. Важный сегодня день, первый день реальной боевой работы. Именно от результатов сегодняшнего дня будет зависеть не только дальнейшее развитие авиации, но и моя судьба.

Ладно, оставим размышлизмы и рефлексии на потом, а сейчас всё внимание должно быть сосредоточено на управлении. Нужно отбросить в сторону посторонние мысли, отрешиться от боли в замерзающих пальцах, от тесных пут сковывающего тело озноба. Осталось недолго потерпеть. Солнце уже поднимается выше и прямо у меня за спиной начинает выглядывать из-за острого сдвоенного позвонка гор. Впереди внизу, в долине, ещё темно, там пока ещё вовсю царствует ночь. А заснеженные вершины розовеют, приветствуя новый день. Поднимется выше солнце, и они засверкают под его лучами. На это и расчёт. Один из многих...

Казачий разъезд вчера сообщил генералу Ионову о появлении на нашей стороне очередной вооружённой группы афганцев. Командир раздумывать не стал, уточнил у меня о готовности самолёта к вылету и поставил боевую задачу по уничтожению нарушителей.

Вот так, не больше и не меньше. Никаких выдворений за чёрточку, задержаний и бесполезных уговоров. Нравы здесь простые, нарушили — отвечайте. С недовольством несообразностью наказания обращайтесь к ограбленным и униженным, а то

и убитым жителям правобережья. Они вам обоснуют серьёзность и жизненную необходимость ответных мер. Да, ещё про угнанных в рабство женщин и девушек забыл...

Отряд казаков на рысях выдвинулся к границе ещё вчера, в полдень. Будут в пути всю ночь, но, само собой, к утру догнать нарушителей всё равно не успеют. День сюда, день туда, да один минимум про запас. Расстояния тут совсем другие, их по карте не измеришь. Но у них и задача стоит другая, не нарушителей ловить, а вовремя прибыть к месту встречи. Всё остальное ляжет на наши, то есть мои, плечи. Если быть уж совсем точным, то на крылья самолёта. Именно для этого мы с ним сюда и направлены.

Вечер ушёл на подготовку, потом короткий отдых, и ранним утром, затемно, начали готовиться к вылету.

Первым делом предполётная подготовка. Проверил, выключено ли магнето, убраны ли чехлы, законтрены ли гайки крепления винта. Провернул сам винт, затем открыл оба капота и осмотрел высоковольтные провода, надёжность крепления накопечников к свечам. Убедился в отсутствии обрывов, потёртостей и подтеканий. Открыл пробку бензобака и прутиком проверил количество топлива в баке. Завернул крышку, закрыл лючок и открыл топливный кран. Подкачал вручную бензин в поплавочную камеру. Ожидаемо ничего криминального не обнаружил и захлопнул оба капота со спокойной душой. Всё остальные действия буду выполнять в кабине со своего рабочего места.

Потом, после проверки, со стоянки удалили за линию оцепления весь обслуживающий персон

нал. Убрали от греха подальше и техников, и помощников. Даже наш щит и меч, полковник Отдельного корпуса жандармов Изотов, безропотно сносивший все тяготы изнуряющего переезда, рекомендовавший себя самым замечательным образом, и тот поторопился отойти на безопасное расстояние.

Это он сейчас стал таким понятливым. А то, помню, в столице, в первые дни всё норовил свою храбрость показать, порывался в такие моменты рядом находиться и, как мне говорил, «контролировать лично весь процесс мероприятий». Не больше и не меньше. С трудом уговорил его следить за процессом с безопасного расстояния. А сам подумал: случись что со мной, хоть будет кому потом государю доложить...

— Константин Романович, прошу вас самым внимательным образом присмотреть за казачками. — Изотов и двух шагов не успел сделать, как я его окликнул. — Не дай бог кто из них про запреты забудет или, что ещё хуже, в очередной раз захочет удаль свою молодецкую показать и на поле выскочить перед взлетающим самолётом.

Вздыхнул, глянул в ночь, в ту сторону, откуда отчётливо периодически доносилось то лошадиное всхрапывание, то перестук копыт по твёрдому, словно камень, грунту. Были уже подобные моменты и в Ташкенте, и здесь, в Душанбе. Потому и напоминаю полковнику о необходимых мерах безопасности. Знаю, что Изотов со мной полетит, но пока на земле находится, пусть выполняет свои обязанности. Да и кому ещё напоминать, если не ему? Это его дело задачу ставить своим подчинённым.

— Не извольте беспокоиться, Николай Дмитриевич, — оглянулся сильно похудевший за время путешествия полковник. — Я уже распорядился выставить оцепление вокруг поля.

— Хорошо, надеюсь на вас, — кивнул и продолжил вывинчивать лобовую заглушку канала для установки взрывателя из подвешенной к пилону первой из четырёх авиабомб.

Оцепление — это хорошо, это правильно, не мешает. Очень уж тут народ своеобразный и своеобразный по своей дремучести и неуёмному детскому любопытству. То и дело норовят под винт подлезть, интересно им, понимаешь, посмотреть, как это он так быстро вращается? Понимаю, меня самого это зрелище, как помню, тоже в своё время завораживало. Но ведь эти любопытные не только смотрят, они ещё и пальцы к этому сверкающему диску тянут! Потрогать...

Или в первое время кто-нибудь из них всё норовил перед катящимся по земле самолётом проскакать с гордым видом, мол, обогнал, доблесть и храбрость свою показал всему белому свету. Потом на полном серьёзе обсуждают между собой, что самолёт хорошо, а добрый конь лучше...

Так что пусть оно будет, оцепление. Если начистоту, то толку от него немного. Жандармов и солдатиков у нас мало, живая цепочка вокруг взлётки получается очень растянутая. Даже сейчас, после стольких увещаний и серьёзных разговоров, казаки то и дело срываются удаль свою показать, выскочить на поле перед рулящим самолётом. Этим кентаврам проскочить между двух солдат оцепления ничего не стоит. Ну не стрелять же нам в своих? И наказывать не можем, напрямую они нам не

подчиняются, только через подхорунжего Наливайко. Вот и приходится терпеливо вести разъяснительную работу.

Или ещё случай был...

Без улыбки точно не обойтись. На окраине Ташкента это было, как раз там, где лет эдак через сорок авиастроительный завод построят с аэродромом. Приехали прямо на точку, выгрузились, расположились, палатки поставили. Зачем мудрить с выбором, если я уже знаю, где лучше всего лётное поле располагать? Место, где потом будет Южный аэродром, занимать не стану, там пусть граждане суетятся, а вот Восточный мне в самый раз подходит.

Ну а почему бы и не избавить предков от мук выбора места для завода, если тут ему и стоять? Впрочем, не факт, что это на самом деле случится, ведь история здесь идёт совершенно по другому пути, и перебазируют сюда с началом войны авиаремонтный завод из Химок или нет, неизвестно. Да и насчёт будущей войны вилами по воде писано...

Да, про случай! Собрали мы самолёт, поле лётное огородили кольшками. Верёвку на скорую руку между кольями натянули и флажками обозначили. Пусть и поздняя осень, самое начало ноября, а на улице пекло. Это для местных прохладно, а для нас жарко, когда плюс двадцать восемь на термометре. Да с непривычки. В общем, разморило всех.

Ну нам деваться некуда, жара не жара, а шевелиться и исполнять государев наказ нужно, вот я и приказал начинать к первому пробному рулению готовиться. Руки-то по штурвалу соскучились, душа в небо просится. А оно тут синее-синее, высокое-высокое, так к себе и манит.

И надо же было такому случиться, что как раз в этот момент мимо нас караван из Бухары идёт по своему маршруту, по которому и этот караванщик всю жизнь ходил, и до него предки веками землю на этой тропе топтали. До наших флажков им никакого дела нет. Подумаешь, болгается под верблюжьими копытами верёвка с красненькими тряпочками.

Пока жандармы очнулись, пока в себя пришли и этот караван заметили, пока сообразили, они уже и верёвку с кольев снять успели. И сматывать принялись по-хозяйски.

Изотову доложили, тот подхватился, команду подчинённым отдал порядок на поле навести, те и побежали выполнять приказание. Шуму было...

Без переводчика никто ничего не понимает, все кричат, руками размахивают, верёвку друг у друга из рук дёргают, вот верблюды и не выдержали. Это на картинках они флегматичные животные, которых не поднять, с места не сдвинуть. А тут оказались сущими зверями. Дикими причём. Мало того что чудом кого из наших не покусали или копытами не побили, так вдобавок из связки вырвались. Ну и давай по полю галопом носиться. Оставшиеся верёвки вместе с кольями на себя намотали, режут от злости или страха, слюна во все стороны летит. А запах какой в воздухе витает, лучше не нюхать. Караванчики ещё больше зашумели, ловить свою животину кинулись. Там же товары!

Наши солдатики тоже за животными бегают, но с целью поймать и не пущать! Ну и казённое добро возвернуть, само собой. А я лишь об одном думаю: только бы не в мою сторону, только бы не сюда кинулись. Растопчут же самолёт. Уже и пистолет из кобуры вытащил, к стрельбе изготовился...

Обошлось в тот раз. Верблюдов переловили, привязали. Повезло, что стрелять не пришлось и что товары из тюков не высыпались. А то в обоих случаях испортили бы с местными отношения навсегда как пить дать. Изотов потом это дело урегулировал. Если бы не мундир с эполетами и не присутствующий тут же бек-полицмейстер, то не знаю, чем бы это закончилось.

Теперь везде, где бы ни оказались, лётное поле со всех сторон тщательно огораживаем, столбы крепкие вкапываем. Колючей проволоки нет, так мы верёвку в три ряда по высоте натягиваем. С флажками. Как на волков. Чтобы уж точно никто не прошёл.

Но и местные сюда после того случая не суются. И слухи разлетелись по округе, и местный полицмейстер указ издал. И даже двух своих человек для надзора за порядком приставил. Только я этих двоих один раз за всё время и видел, когда они нам представлялись. Изотов говорит, они больше в чайхане заседают, там все удобства, и оттуда им нас охранять проще...

Как ни торопились, а в Ташкенте пришлось задержаться и дооборудовать самолёт дополнительными топливными баками. Иначе нам с расстояниями не справиться, слишком тут условия сложные. В столице говорили одно, задачу красиво расписали, а на деле всё оказалось совсем по-другому. Не то чтобы я не готов был к чему-то подобному, легковерием никогда не страдал, но не настолько же! Вот и приходится теперь мудрить и выкручиваться, изобретать велосипед на коленке. Но ничего, не впервой, справлюсь. Не зря же настаивал на выделении нам дополнительного вагона и переобо-

рудовании его в мастерскую на колёсах. Плюс запасные части и расходные материалы. Так что было не только из чего склепать сами баки, но и проложить, и подключить топливные магистрали. Но это я так, для красного словца их называю, значимость и важность повышаю. На самом деле магистрали — это топливные трубки со штуцерами. На Путиловском заводе мы давно наладили их выпуск под свои собственные требования.

И работа не сложная. Проложить магистраль вдоль борта, зафиксировать хомутами, чтобы не болталась, прикрутить, затянуть, и всё. Ещё неделя в плюс пошла. Потом перелёт в Душанбе. Оттуда мы с дополнительными баками дотянемся туда, куда нужно. И, главное, назад вернёмся.

Сам полёт несложный, сложнее было дожидаться сопровождение и охрану. Им-то своим ходом добираться пришлось, везти с собой запасы топлива и масла. В Душанбе не в Ташкенте, здесь с этим туго. А если и есть, то качества неважного. А ещё нужны палатки, запчасти, инструменты, лак и ткань, продовольствие и боеприпасы. И прочее, прочее. Конечно, что-то из самого необходимого, без чего не обойтись, я в самолёте перевёз. В основном продукты на нас двоих с Изотовым. Но это крохи, чтобы только до прихода наших дотерпеть...

Вот и ещё две недели плюсовать пришлось. Мастерская на колёсах пока осталась в Ташкенте...

Встрянул, выбросил из головы посторонние мысли. Дело мне предстоит серьёзное, нужно собраться.

Сначала оснастил взрывателями все четыре бомбы на подвесках и только потом переключил на те, что находились в фанерных карманах по

левому и правому борту. Законтрил крыльчатки прутками, на автомате покачал каждую болванку рукой, проверил надёжность размещения в зажимах. Мало ли от тряски какая-нибудь из них раньше времени вывалится?

Вот и всё. Готово. Развернулся, глянул в сторону востока — рассвет совсем рядышком, можно готовиться к вылету. Дал отмашку Изотову, подозвал его к самолёту.

— Готово, Николай Дмитриевич? — покосился на подвешенные бомбы Константин Романович. — Быстро вы управились.

— Так чем больше практики, тем больше набираемся опыта.

— Не подведут эти ваши болванки? — нервно дёрнул подбородком Изотов.

— Не должны, — уверенно улыбнулся. Пусть и темно, но в свете нескольких «летучих мышей» улыбку мою прекрасно видно.

— Мне бы вашу уверенность, — вздохнул полковник. — Тогда пора переодеваться?

— Да, пора, — согласился. И ещё раз глянул на восток, на беспроглядную после света ламп черноту ночного неба. Где-то там далеко спят до поры до времени непробудным сном величавые горные вершины. Искося оглядел вдруг сгорбившегося полковника и неожиданно для себя предложил: — Константин Романович, а оставайтесь-ка вы на земле! Я и один смогу справиться.

— Что?! — вскинулся Изотов. Выпрямился в струнку, выскобленный до синевы острый подбородок вверх задрал, глазами во мне дыру прожечь пытается. — Вы что там себе надумали, ваша светлость? За кого-то другого меня принимаете? Нет

уж, милостивый государь, коли уж решили вдвоём лететь, то по-другому не будет!

— Не будет и не будет, я и не возражаю, — отыграл назад. Похоже, ошибся я немного в офицере, не нужно было ему такое предлагать. Но ведь как лучше хотел сделать, вижу же, что мнётся, что не по нутру ему от земли отрываться. А получилось как всегда. И как теперь выкручиваться? Ситуацию ведь исправлять необходимо, мне с ним ещё ой сколько времени плечом к плечу милостью его императорского величества работать предстоит. — Хотел самолёт облегчить. Всё-таки в первый раз полечу. Неизвестно, как машина себя над горами поведёт, хватит ли мощности мотору.

— Да? — с подозрением во взгляде спросил полковник. Не поверил, конечно, но засомневался в своих первых выводах. — Вот вместе и проверим. Опять же, как бы вы с моего борта бомбы сбрасывали бы? До карманов бы точно не дотянулись.

— Да, об этом я точно не подумал, — нарочито сокрушённо развёл руки в стороны. Признаваться в том, что мне это никакого труда бы не составило, не стал, ни к чему. — Вместе, значит, вместе. Переодевайтесь в зимнее, Константин Романович. Пора запускаться, а мы с вами тут всё разговоры водим.

И сам к своему сундуку направился, что возле шкафа с мундирами стоит. Да, именно что сундук. Тот самый, словно из детства вернувшийся, ещё бабушкин, из крепкого дерева, окованный чёрным железом по углам, с крепкими петлями и врезным замком.

Почему не кофр и не чемодан? Да потому что в сундуке вещи целее будут, не уворуют их нечистые на руки людишки. Здесь таких каждый

первый — тащат всё, что под руку попадёт или на что глаз свой положат...

Расстегнул пуговку на вороте, подцепил пальцем и вытянул тонкий шнурок. Ну а следом и ключ с двумя бородками. Вставил в скважину, повернул личину, щёлкнул запорным язычком, откинул тяжёлую выгнутую крышку и с довольным видом оглядел открывшиеся взгляду сокровища.

Первым делом скинул повседневную форму вместе с портупеей, пропотевшее нижнее и сразу же натянул на голое тело чистое бельё. Плотное, байковое. Потом свитер из верблюжьей шерсти, колючий и шуршащий, длиной чуть ли не до колен. Потому и бельё первым делом шло, чтобы шерстинки не кололи то, что колоть не нужно.

Дальше носки из этой же шерсти. Скорее не носки, а гольфы. И тоже до колен. И только потом натянул сам комбинезон. Да, маловат он становится со всей этой поддёвкой. Нужно будет по возвращении шить что-то более свободное. Да и расту я всё ещё, за лето на несколько сантиметров точно вытянулся.

Сапоги зимние, на размер больше, специально такие заказывал, сели на ноги как влитые. Потопал, присел, ничего нигде не давит, движений не стесняет. Можно дальше облачаться. На шею шарф, да не просто так, а обмотать хотя бы пару раз, чтобы не съезжал. Затем куртка. Сразу же в левый нагрудный карман пистолет определил, туда же сунул пару полных магазинов. В правый переложил из сундука небольшой плоский пакет с медициной. Застегнул на пуговку клапана, хлопнул рукой — нормально. Дальше пошли в ход остальные атрибуты — шлем, очки, маска, чтобы лицо не поморозить, и, конечно же, меховые перчатки.

Сразу же, пока не вспотел, залез в кабину, уселся на своё рабочее место, поёрзал на твёрдой подушке парашюта в чашке сидушки, накинул на плечи ремни и застегнул замок. Подождал, пока на соседнее правое сиденье заберётся полковник. Да, с сегодняшнего дня и на всё последующее время он у меня второй пилот согласно личному распоряжению его императорского величества. А ещё фотограф, будет фиксировать на плёнку нарушения границы. Ну и снимать с высоты результаты нашей работы. Полагаю, второе для государя важнее будет. Подождал, пока Константин Романович накинет подвесную систему и пристегнётся, показал ему большой палец. Молодец! Немного неловко он это проделал, повозился с замком, но ничего, справился. С налётом и опыт придёт, ещё научится...

Дальше уже привычная и не раз отработанная с помощниками за время нахождения в дороге процедура запуска. Карту зачитывать не стал, нет пока у нас такой штуки, вместо неё вслух проговаривал все свои действия. И для себя, чтобы ничего не забыть, и для Изотова, пусть с самого первого раза начинает к делу приобщаться.

РУД на малый газ, угол зажигания установил поздний, двигатель-то холодный. Винт на компрессию...

— Контакт!

— Есть контакт! — Включаю магнето.

Проворот винта, и мотор схватывается с полпинка. Обороты малого газа предустановлены заранее регулировкой, поэтому рычагом газ корректировать не нужно. Это если всё нормально работает. Ну а если нет, то тогда лучше на земле остаться и всё отрегулировать заново.